

Литературная ономастика *Literary Onomastics Studies*

О.Л. Довгий (Москва)

ОЛЬГА

Аннотация. Статья продолжает серию публикаций автора по исследованию семантического ореола женских имен в русской поэзии. В журнале «Русская речь» были опубликованы статьи «Темира», «Пленира», «Лидия», «Прасковья», «Полина», «Прасковья-Параша», «Лаура». Настоящая статья посвящена имени Ольга, имеющему скандинавские корни и ставшему «русским» благодаря историческим и культурным факторам. На разнообразном поэтическом материале прослеживается история бытования имени Ольга в русской поэзии XVIII–XXI вв. В первой части представлен историко-семантический анализ существования в поэзии имени исторического: отражение в поэзии судеб женщин, носивших это имя и оставивших след в русской истории (княгини Ольги, представительниц дома Романовых, писательниц О. Берггольц, О. Форш и др.). Отмечаются черты, придаваемые семантическому ореолу имени личностью каждой из этих женщин. Во второй части представлена интерпретация семантического ореола имени, возникающего на основании черт литературных героинь, которые носят это имя (прежде всего, пушкинская Оленька, а также героини Шаховского, Катенина, Баратынского и др.). Анализ обширного поэтического материала позволяет говорить о двух основных тональностях имени, связанных с двумя разными его формами: высокой, торжественной, даже с нотами трагизма – в основном при использовании формы «Ольга»; и более бытовой, но и более светлой, близкой к комизму – при употреблении уменьшительных форм «Оленька» и «Олечка». В целом обе эти составляющие, существующие в постоянном взаимодействии, делают ореол имени практически не знающим границ. Имя оказывается универсальным, подходящим для применения в любых контекстах. Этим объясняется его популярность – и в поэзии, и в реальности.

Ключевые слова: женские имена в русской поэзии; семантический ореол имени; Ольга.

O.L. Dovgy (Moscow)

Olga

Abstract. The paper is a continuation of series of the author's publications on the

semantic halo of female names in Russian poetry. The following papers have already been published: “Temira”, “Plenira”, “Praskovia”, “Polina”, “Praskovia-Parasha”, “Lydia”, “Laura”. This paper is dedicated to the name Olga. The semantic halo of this name is composed of two main components: firstly, the features of real-life women who left their mark in Russian history (first of all, Princess Olga, also members of the Romanovs’ House, writers Olga Bergolts, Olga Forsh and others), and, secondly, the literary characters who had that name (first of all, Pushkin’s Olenka). The detailed analysis of the extensive poetic material allows us to specify two main moods of the name associated with its two different forms: first, high, solemn, even with notes of tragedy – mainly when the form “Olga” is used; second, more domestic, but also lighter, closer to the comic – when the diminutive forms “Olenka” and “Olechka” are used. In general, both of these components make the name semantic halo of the name practically boundless. The name is universal, suitable for use in all contexts. The two components of the semantic halo exist in constant interaction. This explains its popularity – both in poetry and in reality. As a result, the name remains in demand, both in literature and in everyday life.

Key words: female names in Russian poetry; the semantic halo of the name; Olga.

«Этимологически Ольга или, в первоначальном изводе Хельга или Эльга значит великая... Пришло к нам из Скандинавии и... глубоко принятое русским народом» сделалось «именем особенно русским...», – отмечает П. Флоренский, посвятивший имени Ольга отдельную главу в своей книге «Имена» [Флоренский 2000, 266]. «Особенно русским» имя сделалось в силу многих исторических и культурных факторов. При формировании его семантического ореола одинаково важны и реальность, и поэзия, и скандинавское происхождение – об этих факторах и пойдет речь в нашей статье.

1. Реальные женщины, носившие имя Ольга

Высокий, торжественный тон имени задает княгиня Ольга, жена князя Игоря, героиня русской истории; она упоминается уже в «Повести временных лет». День памяти святой равноапостольной княгини Ольги отмечается 24 июля.

В XVIII в. ассоциации с Ольгой постоянно используются как прием возвышающей аналогии в одах, посвященных правителям – причем обо-его пола. Ломоносов в «Оде на торжественный день восшествия на... престол... ноября 25 дня 1752 г.» уподобляет Ольге Елизавету Петровну: «Супружню, Ольга, смерть отмщая, / Казнишь искусством Искорест, / И тьмы неверства избегая, / Спешишь до просвещенных мест. / Премудрость, храбрость и святыня Тобой, блаженная княгиня, / Из древности сияет к нам. / Твои в делах святыя веры / Дает Петрова дочь примеры; / Но мстит умеренно врагам» [Ломоносов 1986, 137], а в «Надписи на иллюминацию и маскарад его сиятельства графа Петра Ивановича Шувалова, октября 26 дня 1754 года», написанной по случаю рождения будущего императора

Павла, Ольга упоминается в перечислении славных правителей России как своего рода напутствие и пример новорожденному: «Россия некогда чрез грозную судьбину / Повержена свою близ видела кончину! / Что Рурик с скипетром монаршеским приял, / Что Ольга, Святослав, Владимир россам дал...» [Ломоносов 1986, 229].

Имя часто возникает в поэзии как временная вежа, как знак почтенной древности. Формула «время Ольги» придает особую ценность описываемым событиям и их участникам. Так, во 2-й сатире А.Д. Кантемира Евгений хвастается древностью рода: «Знатны уж предки мои были в царство Ольги / И с тех времен по сих пор в углу не сидели – / Государства лучшими чинами владели...» [Кантемир 1956, 69]. А.С. Пушкин в «Родословной моего героя» с гордостью говорит о своих предках: «При Ольге сын его Варлаф / Приял крещение в Цареграде / С приданым греческой княжны» [Пушкин 1959, II, 463].

Часто поэты сравнивали с Ольгой Екатерину II: М. Херасков в «Россиаде» («Се Ольга мудрая, казница Искорест, / Лучи вокруг главы, в руках имеет крест; / Коль свято царствует полночною строною! / Жена прославилась правленьем и войною!» [Херасков 1961, 194]), С. Бобров в стихотворении «Глас возрожденной Ольги к сыну Святославилю» («Се мудрость вечности самой! – / Се глас – глас Ольги возрожденной!» [Бобров 1971, 121]) и т.д. Отметим, что у Ломоносова Ольга возникает в ряду небесных помощников новорожденного Павла Петровича, а у С. Боброва, уже знакомого с исторической реальностью, Ольга через голову разочарованного ее сына обращается к внуку. Аллюзия на Екатерину, Павла и Александра читается абсолютно ясно и свидетельствует о чисто риторической функции образа Ольги.

Н.М. Карамзин дал свод универсальных приемов, способных сделать Ольгу героиней поэзии:

Ольга есть героиня наших древних летописей, которые рассказывают чудеса об ее хитрости. Художнику должно воспользоваться сим знаменитым историческим характером: ему остается выбрать любое из десяти возможных представлений. Захочет ли он изобразить Ольгу в ту минуту, как она, пылая местию в сердце за убийство супруга и скрывая гнев свой под видом ласки, принимает у себя в тереме послов древлянских; или когда на могиле Игорева отправляет тризну (что подает художнику случай представить древние обряды язычества); или когда она среди торжественного великолепия греческой религии крестится в Цареграде. Но я знаю, что художники не любят старых женских лиц: а Ольга в это время была уже немолода. Итак, они могут изобразить ее сговор. Например: Олег подводит ее к молодому Игорю, который с восхищением радостного сердца смотрит на красавицу, невинную, стыдливую, воспитанную в простоте древних славянских нравов. За нею стоит мать ее, о которой нет хотя ни слова в летописях, но которая присутствием и благородным видом своим должна дать нам хорошую идею о нравственном образовании Ольги: ибо во всяком веке и состоянии одна нежная родительница может наилучшим образом воспитать дочь. Живописец изобразит

приготовления к сговору по своей фантазии... [Карамзин 1964, 191].

Однако русские поэты XIX в. продолжали воспринимать имя Ольга как риторический и дидактический инструмент, хотя и начали пользоваться поэтическим антуражем. Так, в думе К. Рылеева «Ольга при могиле Игоря» Ольга дает наставление сыну в весьма поэтической обстановке: «Настала полночь... Вдруг вдали / Как шелест по поляне... / То Ольга с Святославом шли / И стали при кургане... “Отец будь подданным своим / И боле князь, чем воин; / Будь друг своих, гроза чужим, / И жить в веках достоин!” – / Так князю-отроку рекла / И, поклонясь кургану, / Мать с сыном тихо потекла / Ко дремлющему стану» [Рылеев 1971, 110]. У Пушкина в «Песни о вещем Олеге» Ольга и Игорь нужны как яркая деталь, добавляющая исторического колорита: «Ковши круговые, запенясь, шипят / На тризне плачевной Олега; / Князь Игорь и Ольга на холме сидят; / Дружина пирует у берега...» [Пушкин 1959, I, 168]. В стихотворении П. Ершова «Смерть Святослава» описывается трагический финал жизни русского князя, не послушавшего мудрого предостережения: «Не прежде, как стихнут славянские вьюги / И Днепр беспокойный в берегах закипит, / Сын Ольги велит воеводе Свенельду / Свой княжеский стяг пред полком развернуть» [Ершов 1976, 124].

Любимым поэтическим мотивом становится появление тени Ольги. Цель такого видения зависит от общей тематики стихотворения. Тень может пророчествовать, предрекать славные дела или трагические события, а может вдохновлять поэта. В стихотворении А.Н. Муравьева «Певец и Ольга» тень слетает к Певцу, чтобы восславить Зинаиду Волконскую, автора повести о княгине Ольге: «В ней варяжская кровь моих светлых князей, / Ольга спящая вновь пробудилась в ней! / Ее стан величав – как сосна на холме, / Под которым Синай позабыл о земле! / Кудри спят на плечах снеговой белизны, / Цвет лазурный в очах – Белозерской волны. / И блистают лучом вдохновенья глаза – / Не столь ярким огнем я Коростень сожгла!» [Муравьев 2007, 131]. Отметим мотив зависти Ольги к красоте и яркости глаз своей далекой потомицы.

В шуточной поэме А. Полежаева «Имен-козел» история Ольги, которая названа царицей, подана иронически: «Поверьте: множество вещей / (Прочтите “Тысячу ночей”), / Которых мы не понимаем / И нагло вздором называем, / Враньем, несбыточной мечтой, / В степях Аравии святой, / За Индостанскими горами, / За неоткрытыми морями / Не выдумки и не мечты, / А так известны, так просты, / Как наше древнее преданье / Об очень чудном наказанье / Царицей Ольгою древлян, / Как всякий рыцарский роман...» [Полежаев 1832, 224].

Иронический тон слышен и в поэме А.К. Толстого «История государства российского от Гостомысла до Тимашева» (1868): «Потом княжила Ольга, / А после Святослав; So ging die Reihenfolge / Языческих держав» [Толстой 1969, 374]. Ольга просто включается в череду правителей России, при которых «порядка нет, как нет».

В особую группу можно выделить стихи, в которых совпадает имя той, кому они посвящены, и имя высокого образца. Прежде всего, посвящения носившим это имя представительницам дома Романовых. Царственность, державность – семантическая доминанта имени, поэтому не приходится удивляться, что имя входит в антропонимикон царского дома. Г.Р. Державин пишет стихотворение «На рождение великой княжны Ольги Павловны», где прославляет новорожденную, пророча ей славные подвиги, сравнимые с деяниями ее великой тезки: «Любовь! – любовь, или краса, / Иль Ольга к нам пришла вторая? / Минута светлая, златая / Блаженного часа!» и пророчит свершение ею великой миссии: «Уж зрю я: с севера на юг / Светильник Ольга возвращает» [Державин 1864, 500] (речь идет о возможном перенесении христианства в турецкие земли). Но пророчество не сбылось: не дожив до трех лет, девочка умерла. И Державин пишет стихи уже «На кончину великой княжны Ольги Павловны»: «Вижу в сиянье / Грады эфира, / Солнцы кругом! / Вижу собранье / Горнего мира; / Ангелов сонм, / Руки простерши, / Ольгу приемлют / В светлый свой полк...» [Державин 1864, 654]. В примечании к этим строчкам Я.К. Грот пишет: «Так точно древние Скандинавы воображали, что боги их в горних чертогах принимают падших героев». Исследователь отмечает сходство размера этой элегической надгробной песни «с тем, который в древней скандинавской поэзии употреблялся в надгробных песнях» [Державин 1864, 655]. Здесь происходит органическое соединение скандинавского происхождения имени с поэзией скальдов, которой был увлечен в это время Державин.

В конце XIX в. А. Фет написал цикл стихотворений «Ее Величеству Королеве Эллинов Ольге Константиновне», посвященных О.К. Романовой, супруге греческого короля Георга I. Здесь счастливо совпали и имя, и Греция, и высокая королевская миссия, и ее высокое исполнение: «Когда-то Ольга душу живу / У греков в вере обрела / И райский кедр и божью ниву / На север с юга привлекла. / Несет нам Ольга-королева / Красу и божью благодать. / Полней семья ее родная, / И снова восхищает взор / И Ольга, царственно благая, / И вестник счастья Христофор...» [Фет 1959, 333].

В XX в. княгиня Ольга продолжает жить в поэзии – причем постепенно из риторического украшения становится символом России, обретая все новые сложные смысловые ассоциации: в поэмах Н. Клюева «Песнь о Великой Матери» и «Медный кит»; в поэме В. Иванова «Сестры». В поэме Д. Андреева «Навна», где упоминается эпизод мести Ольги древлянам, княгиня получает принципиально новый эпитет «лютая». В стихотворении В. Хлебникова «Я и Россия» вся история страны оказывается заключенной в поэте. По именам названы всего два правителя – но во множественном числе.

Поэтов начала XX в. привлекает этимологи имени. Стихотворение Н. Гумилева «Ольга» (1921) построено на переключке скандинавской и русской форм имени и деяний древнерусской княгини и мифологических валькирий: «Эльга, Эльга! – звучало над полями, / Где ломали друг другу

крестцы / С голубыми, свирепыми глазами / И жилистыми руками молодцы... / Ольга, Ольга! – вопили древляне / С волосами желтыми, как мед / Выцарапывая в раскаленной бане / Окровавленными ногтями ход. / И за дальними морями чужими / Не уставала звенеть, / То же звонкое вызванивая имя, / Варяжская сталь в византийскую медь. / Все забыл я, что помнил ране, / Христианские имена... / И твое лишь имя, Ольга, для моей гортани / Сладце самого старого вина. / Древних ратей воин отсталый, / К этой жизни затая вражду, / Сумасшедших сводов Валгаллы, / Славных битв и пиров я жду. / Вижу череп с брагой хмельною, / Бычи розовые хребты, / И валькирией надо мною, / Ольга, Ольга, кружишь ты» [Гумилев 2001, 100].

Итак, княгиня Ольга подарила имени торжественность звучания и неизбежно связанную с тональностью государственности далековатость, остраненность. Ничего бытового, личного в ореол имени от древнерусской княгини не вошло. Редкие эпитеты, связанные с именем, предсказуемо высоки и столь же безличны: «царственно-благая». Заметим, что и рифмы с именем Ольга, где речь идет о жене Игоря, не находится.

В XX в. картина меняется. В стихотворении Марии Вега «Ольга» (1955) дается осмысление различных ассоциаций, связанных с этим именем, и многие из них – поэтические: «Имя Ольга прозвучало глухо, / И плотней сомкнулась тишина, / Словно бережно коснулась слуха / Нежная и страшная струна. / Ольга, это – детство, это ревность, / Это снег, и музыка, и грусть, / Это вся языческая древность, / Вся лесная, княжеская Русь. / Буйных пург струится белый полог, / Канули пути в ночную тьму... / Ольга – это ледяной осколок / С темных окон в сонном терему. / Снятся мне глаза, слегка косые, / Бронзовые, скифские черты, / И когда мне говорят: “Россия”, / Спрашивает сердце: “Ольга, ты?..”» [Вега 2009, 80]. Так что, возможно, поэтизация княгини Ольги еще впереди.

Теперь о других носительницах имени, оставивших след в русской поэзии.

В пушкинских стихах имя спускается с заоблачных высот и обретает способность звучать весело. Ольга Сергеевна Пушкина (в замужестве Павлицева), старшая сестра поэта, упоминается в шуточной элегии «На смерть Анны Львовны», написанной ее племянником в соавторстве с А. Дельвигом: «Давно ли с Ольгою Сергеевной, / Со Львом Сергеичем давно ль, / Как бы на смех судьбине гневной, / Ты разделяла хлеб да соль...» [Пушкин 1959, II, 537]. Пушкин строит на повторе имени посвящение известной петербургской куртизанке Ольге Масон: «Ольга, крестница Киприды, / Ольга, чудо красоты, / Как же ласки и обиды / Расточать привыкла ты!» [Пушкин 1959, I, 70].

В поэзии остались многие женщины, носившие это имя. За каждым упоминанием – целый сюжет. Мы не углубляемся в интерпретации – на это потребовались бы десятки отдельных работ. Наш список просто напоминание о том, как по-разному можно смотреть на историю литературы. Взгляд сквозь призму имен может дать очень интересные результаты.

Жена Н.Г. Чернышевского Ольга Сократовна осталась в стихотворе-

нии Л. Мартынова «Мемуары» в ироничном перечислении вещей и людей, достойных памяти: «Кто вспоминает постановки / И обстановку дореволюционного театра / И своего любимого декоратора, / Кто – первого авиатора, / Кто – последнего императора, / Кто – думские кулуары, кто – дамские будуары, / Пеньюары и прочие салонные аксессуары, / Кто – социал-демократов, / А кто и Саратов Ольги Сократовны» [Мартынов 1964, 4].

В XX в. В. Маяковский продолжает традицию упоминания в стихах имени сестры и связанных с ней бытовых деталей: «Алло! / Кто говорит? / Мама? / Мама! / Ваш сын прекрасно болен! / Мама! / У него пожар сердца. / Скажите сестрам, Люде и Оле, – / ему уже некуда деться»; «Сестра / младшая. / – Здравствуй, Володя! / – Здравствуй, Оля! / – Завтра новогодие – / нет ли / соли?» [Маяковский 1955–1961, VIII, 296]. Отметим и появление рифмы: «Оли – соли», и то, что рифма шутовская, «сниженная» и употребляется с уменьшительной формой имени.

В поэзии XX в. остался образ «блокадной мадонны» Ольги Берггольц. В стихотворении Е.Г. Полонской «Ольге Берггольц» (1965) запечатлен образ тургеневской девушки, прожившей трудную жизнь, ставшей музой блокадного Ленинграда: «Помню девочку с тугими косами, / С тоненькой тетрадкой стихов... / Старших вы не мучили вопросами, / В жизнь вступили, веря пенью строф. / ...Оленька, рожденная в метелицу, / Русской сказкой стали вы для нас: / “Ступит – горе под ногами стелется, / Молвит слово – выронит алмаз”» [Полонская 2010, 309]. П. Антокольский посвящает стихотворение «Ольге Берггольц» (1962) голосу поэтессы: «Знаешь, Ольга Федоровна, Оля, / Как тебя угадывали мы / В ледяном и звездном ореоле / Той блокадной гибельной зимы / Как твой голос в буре орудейной / Был не только голосом твоим, / Этот юный голос лебединый, / Равный всем событиям мировым?.. / И опять полны тугого гуда / В Угличе твоём колокола. / Чудо это? Верно, это ЧУДО. / Только ты свершить его могла. / И Дневные Звезды загорелись. / Чтобы слабый свет их уберечь, / Старше стала женственная прелесть / И моложе воинская речь. / Чем захочешь – речью иль молчаньем, / Но, когда зовешь ты в правый бой, / Как не услышать однополчанам, / Не пойти на приступ за тобой!» [Антокольский 1971, 471]. Главное, что сохранила память поэзии, – это голос, именно для него подбираются самые яркие эпитеты. Обладательницу голоса называют разными именами – «Оля, Ольга Федоровна, Оленька», у каждого жителя блокадного Ленинграда был свой образ поэтессы. От девочки с тугими косичками до грозной воительницы, в которой нельзя не увидеть прошедшую сквозь века память о древнерусской княгине. В семантическую палитру входит мотив чуда, сказки, сверхъестественных способностей носительницы имени. И сама О. Берггольц в стихах поддерживает образ утешительницы: «Поздней ночью, февральской, унылой, / стала в двери подруга стучать: / “Ольга, сына я схоронила!”... / Я с подругой всю ночь говорила, / я утешила сердце ее... / Вот и горе мое пригодилось, / безутешное горе мое» [Берггольц, 1983, 172]. Стихотворение «Я хочу говорить с тобою» построено на повторе имени: «Я хочу говорить

недолго: / мне мерещится все больней / Ольга, русская девушка Ольга... /
Чтобы стыдно было и больно, / чтоб забыть о себе, – пока / плачет рус-
ская девушка Ольга / у германского кулака» [Берггольц 1983, 244]. Очень
отдаленно можно увидеть связь с княгиней Ольгой- освободительницей от
врагов; а тут Ольга оказалась под властью врага. Рифмы «Ольга – больно»,
«Ольга – недолго» добавляют имени драматических коннотаций. А вот
Б. Слуцкий рисует портрет поэтессы нарочито бытовыми красками: «Ма-
риэтта и Маргарита / и к тому же Ольга Берггольц – / это не перекатная
голь!», не умалчивая и о ее пагубном пристрастии: «Ольга выпьет и не за-
кусит, / снова выпьет и повторит, / а потом удила закусит, / вряд ли ведая,
что творит, / что творит и что говорит...» [Слуцкий 1991, 166] («Мари-
этта и Маргарита», 1964–1969). Какая из ипостасей этой неординарной
женщины останется в поэзии – покажет время. Но нам важно отметить
продолжающееся расширение ореола имени, появление новых тонов – как
возвышенных, романтических, даже сентиментальных, так и откровенно
бытовых, снижающих. Ольга – разная.

Писательница Ольга Форш, автор исторических романов и воспоминаний о людях Серебряного века, осталась в поэзии в своеобразном (не ироническом ли?) мартирологе «Поэмы о городах» Вл. Пяста, где упоминаются и уже ушедшие, и еще живые. Интересно окружение Ольги Форш в этом перечислении. Отметим и «странное сближение» на уровне имени и судьбы: Ольга Форш училась в Ольгинской гимназии в Ставрополе.

Б. Лившиц запечатлел в поэзии образ актрисы и художницы Ольги Гильденбрандт-Арбениной: «Если обруч девочки, с разгона / Выскочив за
грань заумных Анд, / Новым спектром вспыхнул беззаконно / В живописи
Ольги Гильдебрандт!» [Лифшиц 1989, 126]. «Девочка, катящая серсо» –
так называется книга ее мемуаров. И. Одоевцева в воспоминаниях называет
ее в основном уменьшительным именем «Олечка». Ей посвящали стихи
Н. Гумилев, О. Мандельштам, а вот с упоминанием имени осталось одно –
рисующее самую суть ее творчества. «Ольга – обруч – серсо» – есть здесь
и фонетическая игра: повтор круглого «о».

В шутивных стихах И. Бунина живет «чудная девочка» Олечка Жирова,
дочь его близких друзей. Эти стихи, адресованные ребенку, написанные
в тяжелые военные годы, – особая глава в творчестве поэта [Благасова,
Шеховская 2017, 2–6]. А мы отметим разные формы имени (от уменьши-
тельной «Оля», «Олечка» до излишне серьезной и оттого изысканно иро-
ничной «Мамзель Ольга Girov»), шутивную рифму (Олечка – кроличка») и
разнообразие серьезных (подчас трагических) тем, поданных в форме
игры и шутки. Топика детства становится органической составляющей
имени.

Ю.Н. Верховский использует мотив Ольгиного дня в стихах, посвя-
щенных О.М. Новиковой: «Мне доводилось часто Ольгин день / Встречать
среди недель отдохновенья, / Когда вступает медленная лень / Одна в свои
широкие владенья. / А ныне вы бездумность и покой / Сулите мне, едва
приоткрывая / Полувоздушной легкою рукой / Усталому рубеж благого

края...» [Верховский 2008, 598].

А. Вознесенский посвятил стихотворение «Олененок» художнице и журналистке О.В. Андреевой-Карлайл, внучке Леонида Андреева, с которой познакомился в Париже в 1965 г. Полурусская-полуфранцузенка с именем Ольга видит во сне картины далеких веков, в ее снах возникают генетические воспоминания о далекой древнерусской теще: «Что тебе снится, русская Оля? / Около озера рощица, что ли... / Помню, ведро по ноге холодило – / хоть никогда в тех краях не бродила. / Может, в крови моей гены горят? / Некатолический вижу обряд, / а за калиточкой росно и колко...» [Вознесенский 1964, 26]. Ее левая рука «вправлена в псковский браслет» – это тоже напоминание о постоянном присутствии псковской Ольги. И в то же время правая рука «бренди берет как лекарство». Имя Ольга практически одинаково звучит на всех европейских языках, что облегчает вхождение носительницы в новую культурную среду. В этом стихотворении представлен весь семантический спектр имени. «“Ольга, опомнитесь! Что с вами, Ольга?..” / Это блуждает в крови, как иголка... / Ну почему – призадумаясь только – / передо мною судьба твоя, Ольга? / Полуфранцузенка, полурусская, / с джазом простуженным туфелькой хрустящая, / как несуразно в парижских альковах – / “Ольга” – / как мокрая ветка ольховая!.. / Бродят, как город разора и оргий, / Ольга французская с русскою Ольгой. / Как вам живется, французская Ольга? / “Как? О-ля-ля! Мой Рено – как игрушка, / плачу по-русски, смеюсь по-французски...” / Горе застыло в зрачках удлинённых, / о олененок, / вмерзший ногами на двух нелюдимых / и разъезжающихся / льдинах! / “Остановитесь!” – зывают осколки / зеленоглазого города / Ольги...» [Вознесенский, 1964, 27]. Имя оказывается наделенным богатой генетической памятью и может читаться и как исконно-русское, и как общемировое – благодаря чему оно выступает и знаком типичности ситуации, делая ее еще более трагической: «Я эту “Ольгу” читал на эстраде. / Утром звонок: “Экскузе, бога ради! / Я полурусская... с именем Ольга... / Школьница... рыженькая вот только...”» [Вознесенский, 1964, 27]. Ласковое имя «Олененок» фонетически созвучно Ольге, Оленьке. В нем одновременно и детскость, и трагизм. Рифмы, подобранные поэтом к имени (Ольга – иголка – колко – альковах – ольховая – оргий – осколки – вот только), представляют весь его семантический спектр.

Стихов, посвященных женщинам, о которых шла речь, гораздо больше. Мы упоминаем лишь те, где звучит само имя Ольга в разных формах. Имя оказывается универсальным: оно вмещает и высокую торжественность (вплоть до трагизма), и легкую игривость, шутку, и чисто бытовой, обыденный тон. Оно оказывается уместным во всех регистрах – и поэтому остается популярным.

О том, какие черты придают имени вымышленные героини, пойдет речь во второй части статьи.

2. Литературные героини

Первой, безусловно, вспоминается пушкинская Ольга. Но будем соблюдать хронологию, обращая внимание на формы имени. Ольга, Оля, Оленька – одинакова ли их семантика? Или есть различия?

В комедии «колкого Шаховского» «Липецкие воды» в списке действующих лиц есть Оленька. Она «всегда умна, мила, добра», ее часто называют «скромницей». Поэт Фиалкин сравнивает ее с луной: «Признаться, Оленька здесь прелестью своей / Пленяла, как луна, но солнце воссияло – / И свет луны погас» [Шаховской 1961, 167]. Графиня Лелева бросает едкие замечание о глазах Оленьки: «Да где же в них душа? / Как фонари без свеч», о ее лице: «Лицо бело и красно, / И точно херувим на вербе восковой»; о характере: «отдаю охотно справедливость / Прекрасной Оленьке, в которой и сама / Без памяти люблю и скромность и стыдливость, / И сердца тишину, и власть над ним ума. / Я даже вам скажу, хотя признаться стыдно, / Мне хладнокровие ее всегда завидно... / Ни к чему в ней лишней страсти нет. – / Какое счастье! в ней все уму послушно; / На всех людей она так смотрит равнодушно, / Что панорамой ей кажется весь свет... / Она ко всем добра, в ней самый тихий нрав, / И муж ее всегда быть с нею должен прав: / Она с смирением в нем будет чтить покорно / Супружескую власть...» [Шаховской 1961, 167]. И сцена «раздачи чая» Оленькой в комедии тоже есть. При всем различии характеров двух героинь набор формул, которые встретим в описании пушкинской Ольги, налицо. Есть в комедии и персонаж с фамилией, произведенной от имени, – граф Ольгин: «Граф Ольгин, например, брал разные уроки / У разных мастеров и выучен всему, / Что мог бы и не знать; заговори ж ему / О нашей древности и о законах русских, / О пользах той земли, в которой он рожден, / Где родом он своим на службу присужден, – / Точчас начнет зевать, и авторов французских / Куплеты дерзкие и вольнодумный вздор / Его единственный ученый разговор» [Шаховской 1961, 135]. Фамилия, вероятно, выбрана, чтобы усилить сатирический эффект; этот граф – пародия на тех, кто кичится древностью рода; он утрированно презирает все исконно русское и преклоняется перед всем иностранным. Для усиления комического эффекта в пару к Ольгину в пьесе есть внесценический персонаж с фамилией Игорев. Исторические Игорь и Ольга ощущаются как укоряющий культурный фон.

«Ольга» – так назвал П.А. Катенин свой перевод баллады Бюргера «Ленора», написанной как ответ на балладу «Людмила» Жуковского. Два этих перевода немецкой баллады о возвращении мертвого жениха к невесте стали хрестоматийными примерами при разговоре о балладной полемике в начале XIX в. Почему Ольга? Этим вопросом не задавался никто, и точного ответа дать невозможно. Но не исключено, что дело в семантике имени, о которой шла речь в первой части статьи. Катенину всегда важно было подчеркнуть русский колорит, и более «русского», более удачного имени для героини трудно придумать. Повествование развивается очень динамично, энергично: «Ольга встала, вышла, села / На коня за женихом; /

Обвила ему вокруг тела / Руки белые кольцом. / Мчатся всадник и девица, / Как стрела, как пращ, как птица; / Конь бежит, земля дрожит, / Искры бьют из-под копыт» [Катенин 1965, 95]. Приговор Ольге («С богом в суд нейди крамольно; / Скорбь терпи, хоть сердцу больно. / Казнена ты во плоти; / Грешну душу бог прости!» [Катенин 1965, 97]), возможно, должен напомнить генетическую связь имени богохульной героини баллады с древнерусской княгиней, принесшей свет христианства на Русь. Ольга Катенина добавила в семантический ореол имени нотки непослушания, нарушения ожиданий, богоборчества.

Характеристики пушкинской Ольги у всех на слуху. Они противоречивы. С одной стороны, Оленька «Всегда скромна, всегда послушна, / Как жизнь поэта простодушна, / Как поцелуй любви мила, / Глаза как небо голубые, / Улыбка, локоны льняные, / Движенья, голос, легкий стан, / Все в Ольге...» [Пушкин 1960, 46]. Но все эти положительные качества перечеркиваются указанием на банальность портрета: «...но любой роман / Возьмите и найдете верно / Ее портрет: он очень мил, / Я прежде сам его любил, / Но надоел он мне безмерно...»; «В чертах у Ольги жизни нет. / Точь-в-точь в Вандиковой Мадоне: / Кругла, красна лицом она, / Как эта глупая луна / На этом глупом небосклоне» [Пушкин 1960, 56]. Резвая, румяная, любящая «играть и прыгать» Ольга (скорее – Оленька) традиционно воспринимается читателями романа как комический двойник поэтической Татьяны. Опера Чайковского еще больше акцентирует внимание на земной прелести этого образа: «Я не способна к грусти томной / Я не люблю мечтать в тиши, / Иль на балконе, ночью темной, / Вздыхать, вздыхать, / Вздыхать из глубины души. / Зачем вздыхать, когда счастливо / Мои дни юные текут? / Я беззаботна и шаловлива, / Меня ребенком все зовут!» [Оперные либретто 1963, 16]. Что бы ни писали в литературоведческих статьях, пушкинская Ольга добавляет семантическому ореолу обаяние юности, здоровья, легкости, игривости, кокетства. В. Набоков, хотя и излишне строг к Ольге, однако не может не признать ее судьбоносной роли в дальнейшей русской литературе: «В советской литературе образ Татьяны был вытеснен образом ее младшей сестры, ставшей теперь полногрудой, бойкой и краснощекой девицей. Ольга – это правильная девушка советской беллетристики, она помогает наладить работу завода, разоблачает саботаж, произносит речи и излучает абсолютное здоровье» [Набоков 1998, 258].

Пушкинская Ольга добавляет семантическому ореолу обаяние юности, здоровья, легкости, игривости, кокетства – это признают все. Резвая, румяная, любящая «играть и прыгать» Ольга (скорее – Оленька) традиционно воспринимается читателями романа как комический двойник поэтической Татьяны. Но если присмотреться Ольге-Оленьке внимательнее? Хотя бы к рифмам: «И скоро звонкий голос Оли / В семействе Лариных умолк. / Улан, своей невольник доли, / Был должен ехать с нею в полк» [Пушкин 1960, 135]. «Оли – невольник доли» – рифмы оказываются рифмами воли-неволи, рифмами судьбы. А героиня свободно передвигается между тремя

формами имени (Ольга-Оля-Оленька) – и это ли не знак, что она не так проста, как часто учат в школах?

Вернемся к антропонимикону дома Романовых. Старшая дочь Николая II и Александры Федоровны была наречена Ольгой (1895–1918). Вторую назвали Татьяной (1897–1918). Великий князь Константин Константинович так объясняет этот выбор в своем дневнике: «Слышал от царя, что его дочери названы Ольгой и Татьяной, чтобы было, как у Пушкина в “Онегине”» [Пчелов 2009, 82]. Отметим, что первой названа Ольга, хотя у Пушкина она младшая.

В поэме Баратынского «Бал» Ольга сначала тоже показана в детстве, в воспоминаниях Арсения – и мы видим многие знакомые черты «Оленьки» (наверное так можно определить семантическое ответвление) даже в портрете: «Как мила / Малютка Оленька была! / Ее мгновеньями иными / Еще я вижу пред собой / С очами темно-голубыми, / С темно-кудрявой головой» [Баратынский 1981, 199] (отметим вариацию в цвете волос: у пушкинской Оленьки «локоны льняные»). Есть в поэме и «альтернативный» – критический – взгляд на внешность Ольги; вот как оценивает ее Нина, возлюбленная Арсения, которую он покинет ради Ольги: «...жеманная девчонка / Со сладкой глупостью в глазах, / В кудрях мохнатых, как болонка, / С улыбкой сонной на устах!» [Баратынский 1981, 199]. Как напоминает эта характеристика отзыв княгини Лелевой об Оленьке у Шаховского! Оленька превращается в Ольгу в рассказе об измене с другом Арсения: «В счастливый дом, себе на горе, / Тогда я друга ввел. Лицом / Он был приятен, жив умом; / Обворожил он Ольгу вскоре. / Всегда встречались взоры их, / Всегда велся меж ними шепот. / Я мук язвительных моих / Не снес – излил ревнивый ропот. / Какой же ждал меня успех? / Мне был ответом детский смех! / Ее покинул я с презреньем, / Всю боль души в душе тая. / Сказал “прости” всему: но мщеньем / Сопернику поклялся я... / Всечасно колкими словами / Скучал я, досаждал ему, / И по желанью моему / Вскипела ссора между нами: / Стрелялись мы...» [Баратынский 1981, 199]. В заключительной части поэмы Арсений неожиданно вновь встречает Ольгу и возвращается к ней: «О Нина! Ольгу встретил я; / Она поныне дышит мною, / И ревность прежняя моя / Была неправой и смешною. / Удел решен. По старине / Я верен Ольге, верной мне» [Баратынский 1981, 201]. Отметим различия в семантическом наполнении разных форм имени: «Оленька» – детскость, резвость, радость, кокетство (часто опасное, ведущее к трагедии); Ольга – страстность, верность, присутствие рока. Было бы интересно рассмотреть и оппозицию Ольга / Нина.

Имя «приятно, звучно», хорошо ложится в стихи. А. Дельвиг в изящном мадригале прославляет и носительницу имени, и своего друга: «Певец Онегина один / Вас прославлять достоин, Ольга, / Его стихи блестят, как золото, как рубин, / Мой ж – как мишура и фольга» [Дельвиг 1986, 189]. Рифма «Ольга – фольга» – свидетельство шуточного характера послания. Как увидим дальше, она окажется популярной. На рифменном уровне развивается свой сюжет: «высокая» форма «Ольга» «снижается» бытовой риф-

мой, а «комическая» Оленька – возвышается рифмами судьбы («доли», «неволи»).

Н.М. Языков в драме «Встреча нового года» (1840) упоминает Оленьку, в которую влюблен поэт Пронский: «Послушай, Пронской, что ты так туманен? / Нахмурился, в себя препогружен, Исполнен думы, будто сочи- няешь / Закон природы... Кстати б ей закон / На новый год. Нет, знаю, ты мечтаешь / Об Оленьке Варлянской...» [Языков 1988, 100].

В. Бенедиктов в стихотворении «Неотвязная мысль» ставит сложную техническую задачу: показать оппозицию «молодость / старость мысли» через противопоставление нескольких женских имен-отчеств как знаков поэтической мощи / немощи; различные этапы жизни поэта определяются разными женскими именами. Вот молодость: «Да как жаркое сердце свяжется / С этой думкою полюбовною – / Вся вселенная тебе кажется / Софьей Павловной; Ольгой Львовною...», а вот старость: «Не сравню ж тебя я, беззубую, / С Софьей Павловной, с Ольгой Львовною. / Отцепись же ты, сухопарая, / Неотвязная, безотходная! / Убирайся прочь, баба старая! / Фекла Савишна ты негодная!» [Языков 1988, 100]. «Ольга Львовна» оказывается знаком молодости, а «Фекла Савишна» – наоборот.

В творчестве Каролины Павловой имя Ольга встречается часто. Эмоциональный спектр его употребления широк: от трагического в «Кадрилы» до откровенно снижающего, экспромтного: «Что стали в пень вы, Ольга Алексевна? / Зачем глядеть, с карандашом в руке, / На белый лист так мрачно и плачевно? / Скажите мне, carissima, perche?» [Павлова 1964, 208]; «Каких-нибудь стихов вы требуете, Ольга! / Увы! стихи теперь на всех наводят сон... / Ведь рифма, знаете, блестящая лишь фольга, / Куплет частехонько однообразный звон!» [Павлова 1964, 149]. Рифму «Ольга – фольга» мы помним еще от Дельвига.

Часто Ольга мелькает в стихах, «как мимолетное виденье». Например, в стихотворении Аполлона Григорьева «Отрывок из сказаний об одной темной жизни» Ольга остается некоей романтической тайной прошлого героя: «Когда ж напомнил я ему / Про Ольгу... к прошлому всему / Печально-холоден, зевнул / Мой Юрий и рукой махнул...» [Григорьев 2001, 69].

В «Сумасшедшем» А. Апухтина девочка Оля возникает как часть бреда героя, по которому можно восстановить трагические события его прошлого: «Но что с тобой, Мари? / Как ты осунулась... страдаешь все глазами? / Садись ко мне поближе, говори, / Что наша Оля? Все растет? Здорова? / О, Господи! Что дал бы я, чтоб снова / Расцеловать ее, прижать к моей груди... / Ты приведешь ее?.. Нет, нет, не приводи! / Расплачется, пожалуй, не узнает, / Как, помнишь, было раз... А ты теперь о чем / Рыдаешь? Перестань!.. / Да, васильки, васильки... / Много мелькало их в поле... / Помнишь, до самой реки / Мы их собирали для Оли. / Олечка бросит цветок / В реку, головку наклонит... / “Папа, – кричит, – василек / Мой поплывет, не утонет?!”» [Апухтин 1991, 251]. У этой Олечки традиционно «глазки голубые». К семантике детства в имени Олечка добавляются трагедия и воспоминание.

В поэзии XX в. сестры Ларины становятся предметами стихов, их образы развиваются, начинают жить новой жизнью. Ю. Верховский в стихотворении «Мечта» (1917) переосмысливает отношения Ленского и Ольги. У Пушкина было: «Владимир и писал бы оды, / Да Ольга не читала их», а у Верховского возлюбленная внимательно слушает: «Тебе, как Ольге милый Ленский, / Влюбленные стихи читает твой поэт – / Возвышенной души неистощимый бред; / И, кудри опустив, в слезах невольной неги, / Впиваешь ты душой струи его элегий» [Верховский 2008, 14].

Для С. Шервинского сестры Ларины неразрывны; в стихотворении «Две музы» их именами определяется типология двух основных видов поэзии: «Различные лицом и в существе, / Как две сестры Йемена с Антигоной / Или Татьяна с Ольгой несмышленной, / Меж нами существуют Музы две. / У младшей нет смятенья в голове, / Ей неизвестен крови вкус соленый, / Она твердит один напев хваленый, / Не видит лжи и судит по молве. / А старшую тревожат позывные / Минувшего; досель в часы ночные / Неотвратимый ужас к ней летит...» [Шервинский 1997, 78].

В восьмистишии Б. Поплавского (1925) снова упомянуты обе сестры Ларины. Главным оказывается не различие между ними, а родство: «Зима и тишина глядели / Как две сестры через забор / Где птицы в полутьме галдели / Холодный покидая двор, / А в доме Ольга и Татьяна / Писали при свечах письмо / Пока над желтым фортепьяно / Летала пепельная моль» [Поплавский 1999, 416].

В. Маяковский в стихотворении «Юбилейное» (1924) тоже сводит сестер вместе: «Муза это / ловко / за язык вас тянет. / Как это / у вас / говаривала Ольга?.. / Да не Ольга! / из письма Онегина к Татьяне...» [Маяковский 1955–1961, VI, 80].

В. Хлебников в поэме «Синея оковы» (1922) добавляет к числу «Ольгиных рифм» рифму «ольха»: «Бывало, я, угрюмый и злорадный, / Плескал, подкравшись, в корнях ольхи, / На книгу тела имя Ольги» [Хлебников 1928, 293].

Часто имя появляется один-два раза в каком-то бытовом контексте – «Соррентийские фотографии» Вл. Ходасевича, «Абрамцево» Л. Мартынова; «Спекторский» Б. Пастернака и т.д. Такие спорадические упоминания поддерживают актуальность имени и уместность его в самых разных контекстах и эмоциональных состояниях.

У С. Маршака есть добрая детская считалочка про девочку Олю «Покатилось, покатилось Олино колечко».

Ольга возникает в поэзии и как просто благозвучное имя – например, в стихотворении С. Петрова «Имена» «Но имя – икона иль фольга / вокруг ликов блудниц и мадонн? / Азалия, Юлия, Ольга – / венец из любимых имен» [Петров 2008, 459]. Поэта явно прельщает аллитерация. Рифма «Ольга – фольга» знакома нам с первой половины XIX в.

Итак, перед нами прошли некоторые (разумеется, далеко не все!) героини русской поэзии, носящие имя Ольга. Даже беглый взгляд замечает наличие двух линий: полного имени Ольга – высокой, торжественной, часто

трагической; и уменьшительно-ласкательной формы Оленька – светлой, яркой, веселой. Форма «Оля» находится посередине и допускает широкий диапазон оттенков: от сатирического до сентиментального. С Олей, Оленькой связана топка детства.

Обе эти составляющие существуют в постоянном взаимодействии, поддерживают друг друга, делают ореол имени практически не знающим границ. Мы начали статью с цитаты из «Имен» П. Флоренского, закончим цитатой оттуда же: «По своей цельности, Ольга безостаточна и по своему прямолинейна, не в смысле прямолинейности способа действий, каковой бывает в Ольге очень приспособительный к условиям и потому иногда извилистый, а в смысле самой цели: раз направившись волею к известной цели, Ольга вся без остатка и без оглядки уйдет в достижение этой цели, не щадя ни окружающего и окружающих, ни себя самое, почти до саможертвоприношения этой цели. И к ней, она ничем не может быть остановлена и поставленное пред нею препятствие, если не разрушит, то обтечет» [Флоренский 2000, 271]. Выводы из нашего быстрого анализа не противоречат словам ученого. Кстати, свою старшую дочь Флоренский называл Ольгой.

Мы умышленно не касались прозы. Для этого нужна новая статья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антокольский П.Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М., 1971.
2. Апухтин А.Н. Полное собрание стихотворений. Л., 1991. (Библиотека поэта. Большая серия).
3. Баратынский Е.А. Стихотворения и поэмы. М., 1981. (Литературные памятники).
4. Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л., 1983. (Библиотека поэта. Большая серия).
5. Берггольц О.Ф. Избранные произведения. Л., 1983. (Библиотека поэта. Большая серия).
6. Благасова Г.М., Шеховская Н.Л. Рифмованные послания И.А. Бунина «чудной девочке» Оле Жировой // Литература в школе. 2017. № 5. С. 2–6.
7. Вега М. Ночной корабль. М., 2009.
8. Верховский Ю. Струны. М., 2008.
9. Вознесенский А. Антимирь. М., 1964
10. Григорьев А. Стихотворения. Поэмы. Драмы. СПб., 2001.
11. Гумилев Н. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М., 2001.
12. Дельвиг А.А. Сочинения. М.; Л., 1986.
13. Державин Г.Р. Сочинения / под ред. Я.К. Грота. Т. 1. СПб., 1864
14. Оперные либретто. «Евгений Онегин» П.И. Чайковского. 2-е изд. М., 1963.
15. Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976. (Библиотека поэта. Большая серия).
16. Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л., 1956. (Библиотека поэта. Большая серия).

17. Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964.
18. Катенин П.А. Избранные произведения. М.; Л., 1965.
19. Лифшиц Б. Полутороглазый стрелец. Л., 1989.
20. Ломоносов М.В. Избранные произведения. М., 1986.
21. Мартынов Л.Н. Нескончаемый рассказ // Кругозор. 1964. № 5. С. 4.
22. Маяковский В.В. Собрание сочинений: в 13 т. М., 1955–1961.
23. Муравьев А.Н. Таврида. СПб., 2007.
24. Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998.
25. Павлова К. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964. (Библиотека поэта. Большая серия).
26. Петров С. Собрание стихотворений. Кн. 1. СПб., 2008.
27. Полежаев А.И. Стихотворения А. Полежаева. М., 1832.
28. Полонская Е.Г. Стихотворения и поэмы. СПб., 2010. (Новая библиотека поэта. Малая серия)
29. Поплавский Б.Ю. Сочинения. СПб., 1999.
30. Поэзия Серебряного века. М., 2007.
31. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1959–1962.
32. Пчелов Е.В. Династия Романовых: генеалогия и антропонимика // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 76–83.
33. Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. Л., 1971. (Библиотека поэта. Большая серия).
34. С.С. Бобров // Поэты 1790-1810-х годов. Л., 1971. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 68–160.
35. Слуцкий Б.Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М., 1991.
36. Толстой А.К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М., 1969. (Библиотека «Огонек»).
37. Фет А.А. Полное собрание стихотворений. Л., 1959. (Библиотека поэта. Большая серия)
38. Флоренский П.А. Ольга // Флоренский П.А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 265–272. (Философское наследие. Т. 129).
39. Херасков М.М. Избранные произведения. Л., 1961. (Библиотека поэта. Большая серия)
40. Хлебников В. Собрание произведений Велимира Хлебникова. Т. 1. Л., 1928.
41. Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961. (Библиотека поэта. Большая серия).
42. Шервинский С.В. Стихотворения. Воспоминания. Томск, 1997.
43. Языков Н.М. Свободомыслящая лира. Стихотворения. Поэмы. Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям. М., 1988.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Blagasova G.M., Shekhovskaya N.L. Rifmovannyye poslaniya I.A. Bunina

“chudnoy devochke” Ole Zhirovoy [I.A. Bunin’s Rhymed Messages to the Wonderful Girl Olya Zhirova]. *Literatura v shkole*, 2017, no. 5, pp. 2– 6. (In Russian).

2. Pchelov E.V. Dinastiya Romanovykh: genealogiya i antroponimika [The Romanov Dynasty: Genealogy and Anthroponymics]. *Voprosy istorii*, 2009, no. 6, pp. 76–83. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Florenskiy P.A. Ol’ga [Olga]. Florenskiy P.A. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]: in 4 vols. Vol. 3, part 2. Series: Filosofskoye naslediyе [Philosophical Legacy], vol. 129. Moscow, 2000, pp. 265–272. (In Russian).

(Monographs)

4. Nabokov V. *Kommentariy k romanu A.S. Pushkina “Evgeniy Onegin”* [Comments to the Novel “Eugene Onegin”]. St. Petersburg, 1998. (In Russian).

Довгий Ольга Львовна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Российский государственный гуманитарный университет.

Доктор филологических наук, старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики факультета журналистики МГУ; профессор кафедры истории русской классической литературы Института филологии и истории РГГУ. Научные интересы: русская поэзия XVIII – первой трети XIX в., микрофилологический метод интерпретации поэтического текста, А.Д. Кантемир, А.С. Пушкин, бестиарный код русской поэзии, ономастика.

E-mail: olga-dovgy@yandex.ru.

ORCID ID: 0000-0002-3957-7857

Olga L. Dovgy, Lomonosov Moscow State University; Russian State University for the Humanities.

Doctor of Philology, Senior Research Fellow at the Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, MSU; Professor at the Department of Russian Classical Literature History, Institute for Philology and History, RSUH. Research interests: Russian poetry of 18th – first third of 19th centuries, microphilological approach to poetical text, A.D. Kantemir, A.S. Pushkin, bestiary codes of Russian poetry, onomastics.

E-mail: olga-dovgy@yandex.ru.

ORCID ID: 0000-0002-3957-7857